

УДК 81'373.611

**ЦЕЛОСТНОСТЬ ЯЗЫКА И ЕГО ДЕТЕРМИНАНТА
В ТРАКТОВКЕ И.А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ
И Н.В. КРУШЕВСКОГО**

Л.Г. Зубкова

Аннотация

Статья посвящена основным идеям ученых Казанской лингвистической школы. Описываются особенности диалектического метода И.А. Бодуэна де Куртенэ, который он использовал в своих подходах к интерпретации сущности языка. Рассматриваются также воззрения Н.В. Крушевского, отстаивавшего, в частности, положение о языке как гармоническом целом.

Убежденный в единстве наук, «в необходимости общей для разных наук основы мышления» [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 28, II: 8], И.А. Бодуэн де Куртенэ в своих лингвистических исследованиях, в сущности, руководствуется диалектическим методом, который, как показал уже Платон в диалоге «Федр», предполагает, с одной стороны, «способность, охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно», а с другой стороны – «способность разделять все на виды, на естественные составные части» [Платон 1993: 176]. Соответственно и И.А. Бодуэн де Куртенэ, а вслед за ним и его ученик Н.В. Крушевский применительно к исследованию языка отстаивают такие базовые общенаучные принципы, как стремление к обобщениям и анализ, разложение сложного целого, сложных единиц на составные части и отличительные признаки [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 52–54].

Диалектический подход И.А. Бодуэна де Куртенэ к языку наиболее полно проявился в его учении о трех сторонах языка (фонетической, семасиологической и морфологической) и о двояком членении языкового целого (с точки зрения фонетической и с точки зрения семасиологически-морфологической). Это учение – детерминанта лингвистической концепции И.А. Бодуэна де Куртенэ. Оно ценно тем, что в нем И.А. Бодуэн де Куртенэ завершил анализ языкового целого, доведя его членение вплоть до элементов (признаков) фонем, и одновременно выявил основу (стержень) структурной целостности языка, а именно иерархические связи между единицами различных рангов.

Иерархическая организация языка обуславливает многомерность выделяемых в нем единиц. Многомерность же единиц, в свою очередь, служит созданию целостности языковой системы двояким образом.

Во-первых, иерархически упорядоченные единицы функционируют в языке не только как неделимые элементы в отношении к себе подобным, но и как

составные части высших единиц и как совокупности низших единиц. Например, слово – это и неделимое целое, и целое, состоящее из морфем, т. е. комплекс морфем [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 268]. В качестве неделимого целого слово существует и совершенно независимо от предложения, и как его составная часть [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 249], или синтагма [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 291].

Во-вторых, – и это, очевидно, еще важнее – многомерность языковых единиц влечет за собой многообразие и в то же время однотипность связывающих их отношений.

Значимость отношений между единицами языка впервые была наглядно продемонстрирована Н.В. Крушевским применительно к слову путем анализа связей двух порядков: порядка сосуществования (ассоциации слов по сходству) и порядка последовательности (ассоциации слов по смежности). Первый тип ассоциаций основывается на сходстве данного слова с другими словами по звукам, структуре или значению, второй тип – на связи слова с контекстом, с теми словами, вместе с которыми оно употреблено в данном случае.

Роль законов ассоциации в языке, с точки зрения Н.В. Крушевского, поистине огромна.

«1. Эти законы превращают бесконечное множество слов в гармоническое целое. Благодаря ассоциации по сходству слова образуют множество упорядоченных систем или семейств; ассоциация по смежности выстраивает их в ряды.

2. Только эти законы обеспечивают существование языка: без ассоциации по сходству невозможно создание слова, без ассоциации по смежности – его воспроизведение.

3. Ассоциация по сходству обуславливает происхождение слова, а ассоциация по смежности придает ему значение» [Крушевский 1998: 213].

Судя по примерам, приводимым Н.В. Крушевским, упорядочение слов путем ассоциаций по смежности происходит в рамках предложения [Крушевский 1998: 145, 221], а в случае ассоциации слов по сходству это сходство с внешней стороны может быть и звуковым, и морфологическим [Крушевский 1998: 145]. Но другие единицы (предложение, морфема, звук/фонема) и отношения между ними интересуют Н.В. Крушевского лишь постольку, поскольку они связаны с центральной значащей единицей языка как системы знаков – словом, ибо именно «в ... слове концентрируется для него жизнь целого языка во всех ее разнородных проявлениях» [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 185].

И.А. Бодуэн де Куртенэ поддержал и развил идеи своего ученика, вполне осознавая системообразующую функцию ассоциаций: ведь они являются «своего рода обобщением», помогающим ориентироваться «в хаосе языковых представлений» [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 226]. Обобщающая сила ассоциаций в понимании И.А. Бодуэна де Куртенэ тем более велика, что вследствие иерархического членения языкового целого сфера их действия не ограничивается словами. «Подобное же различие влияния ассоциации по сходству и ассоциации по смежности прилагается не только к словам, но и, с одной стороны, к частям слов, или к морфемам, с другой стороны, к предложениям и их соединениям; оно даже применяется к единицам чисто антропофоническим, к фонемам, или звукам, и их соединениям. В каждой из этих частей мы находим как

системы, или гнезда, – благодаря ассоциации по сходству, так и ряды – благодаря ассоциации по смежности» [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 185].

Участие всех выделяемых в языке единиц в однотипных ассоциациях / отношениях, а значит, действие единых принципов организации на разных ступенях иерархической лестницы, очевидно, обуславливает и тот параллелизм фонетики, морфологии и синтаксиса, на который указывал И.А. Бодуэн де Куртенэ в Программе 1876–77 учебного года [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 101–102] и который позднее был обозначен Е. Куриловичем как изоморфизм [Курилович 2000]. Согласно Н.В. Крушевскому, данный параллелизм обнаруживается в общности свойств у всех иерархически упорядоченных языковых единиц, последовательно вычленяемых в речи. Все они характеризуются двумя основными отличительными чертами: сложностью и неопределенностью [Крушевский 1998: 104, 149].

Само иерархическое устройство языка несомненно служит его связыванию в единое гармоническое целое. Вследствие иерархичности единицы языка, помимо того, что ассоциируются с себе подобными (т. е. помимо парадигматических и синтагматических отношений), вступают также в отношения с вышестоящими единицами (как их *составные части*) и с нижестоящими единицами (как их *совокупности*) [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 198–199]. Позднее эти отношения Э. Бенвенист назвал интегративными и конститутивными. Благодаря им выявляются форма и структурное значение языковых единиц [Бенвенист 1974: 135–137], в частности функциональное предназначение низших единиц – служить материалом для построения высших.

Формальное разложение той или иной единицы на составные части, а следовательно, и выделение низших единиц зависит от их функционирования в составе высших. Так, разложение фонемы на составные произносительно-слуховые элементы (признаки) производно от фонетической альтернации морфем в слове и слов в предложении. Соответственно и упорядочиваются фонемы (во всяком случае, в таком грамматичном языке, как русский) «с точки зрения применимости фонетических различий в морфологии языка» [Бодуэн де Куртенэ 1917: 86].

Определив фонему как фонетический компонент морфологической части слова, И.А. Бодуэн де Куртенэ убежден в значимости всей цепи этих интегративных связей – не только непосредственных, но и опосредованных – для самого существования фонемы: «Каждая фонема (звук) подвергается разнообразным влияниям в зависимости от того, рассматривается ли она как простой звук или как фонетическая составная часть морфологической единицы» [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 323]. Для функционирования же фонемы в слове безразлична и многомерность, многосторонность самого слова. «... Уже сам факт, что фонема входит в состав слов, которые обнаруживают то антрофонетические различия, различия фонетической связи или фонетического строения (например, различие в отношении к акцентуации слов), то психические различия (семасиологические или морфологические), создает разницу между внешне одинаковыми фонемами, которая со временем может стать заметной» [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 322–323].

При определении функциональных свойств других фонетических средств в данном языке также следует учитывать многомерный характер конституируемых значащих единиц. Так, функциональная природа словесного ударения меняется в соответствии с многомерностью слова как промежуточного звена между предложением и морфемой. Согласно И.А. Бодуэну де Куртенэ, ударение может оформлять слово либо как синтаксически неделимую единицу, и тогда носителем ударения постоянно выступает определенный слог (первый в чешском, предпоследний в польском, последний в армянском), либо как морфологически сложное целое, и тогда ударением выделяется та или другая морфема (таково, например, морфологически подвижное русское ударение) [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 34].

Гармоническая целостность системы языка – при всей её сложности и противоречивости – отражается и в целостности языковых знаков. Как ни рассматривать слово, по заключению Н.В. Крушевского, «и с внешней, и с внутренней стороны оно составляет одно целое» [Крушевский 1998: 162].

С внешней стороны в результате переинтеграции групп физиологических работ и акустических качеств звуков в составе слова звуки взаимно аккомодируются. «Эта аккомодация и есть цемент, который превращает несколько звуков в одно цельное сочетание» [Крушевский 1998: 113]. «... Поскольку звуко-сочетание не может быть рассматриваемо как механическое сопоставление звуков, постольку и слово не может быть рассматриваемо как механическое сопоставление морфологических элементов» [Крушевский 1998: 15], о чем свидетельствует их внешняя (звуковая) и внутренняя (семантическая) вариация. Характер вариации соотносится с направлением морфологической ассимиляции в соответствующих языках [Крушевский 1998: 57].

Помимо соответствия между соприкасающимися звуками двух соседних морфологических единиц, в качестве цемента, связывающего отдельные морфологические элементы слова в одно целое так, что «проведение границ между отдельными морфологическими единицами слова часто бывает весьма трудно» [Крушевский 1998: 165], в ариоевропейских языках выступает ударение (и сопровождающие его явления в звуках слова), в туранских языках – гармония гласных [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 103–104, II: 34–35; Крушевский 1998: 163, 170].

С внутренней стороны целостность слова регулируется открытым Н.В. Крушевским законом обратного отношения между объемом и содержанием языковых знаков, так что слово, состоящее из префикса, корня и суффикса, «... представляет ряд элементов, нисходящий по отношению к определенности содержания и восходящий по отношению к объему» [Крушевский 1998: 161–162].

Связь между двумя сторонами словесного знака, так же как между фонетической и семасиологически-морфологической сферами языка в целом, не является чисто внешней. И хотя «непосредственная связь, параллельность этих двух сторон языка а priori не является необходимой, и действительность этого не подтверждает» [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 182], тем не менее И.А. Бодуэн де Куртенэ полагает, что «нервному центру, мозгу в отношении языка свойственна способность осуществления симметрии, гармонии между содержанием и

формой, следовательно, сближения по форме того, что является близким по содержанию и, наоборот, сближения по содержанию того, что является близким по форме, а также различие в форме того, что является разным по содержанию и, наоборот, различие в содержании того, что является разным по форме» [Бодуэн де Куртене 1963, I: 226].

Определенное объяснение указанной тенденции можно найти у Н.В. Крушевского. По-видимому, не без влияния В. фон Гумбольдта, рассматривавшего язык в качестве посредника между миром внешних явлений и внутренним миром человека [Гумбольдт 1984: 169, 304, 319], а может быть, и модистов, возводивших грамматику к миру вещей [Перельмутер 1991], Н.В. Крушевский, исходя из неразлучности – в силу ассоциации по смежности – представления о вещи с представлением о соответствующем слове, заключает: «Слова должны классифицироваться в нашем уме в те же группы, что и обозначаемые ими вещи» [Крушевский 1998: 147]. Благодаря систематизирующей и обновляющей творческой силе производства [Крушевский 1998: 194, 210] в языке на основе ассоциаций по сходству (звуков, структуры, значения) образуются известные типы слов, известные структурные семейства, системы типов, общих и частных категорий, соответствующие – с большей или меньшей точностью – системам понятий [Крушевский 1998: 181]. При этом Н.В. Крушевский, стремившийся уже в своей магистерской диссертации путем разграничения типов чередований выявить связь фонетических явлений с морфологическими категориями, не исключает, что упорядочение систем находится в связи с фонетическими качествами языка [Крушевский 1998: 182]. Не случайно, как видно из наблюдений над афатиками, в общем представлении о данной категории слов «входит известное количество слогов с известным окончанием и акцентуацией» [Крушевский 1998: 219]. «Целые серии слов, сходных в чем-нибудь по значению, представляют также известное наружное сходство; примером может служить серия таких глаголов, как *водѣть, возѣть, носѣть, ходѣть*» [Крушевский 1998: 190]. «Слова, образующие одну семью, благодаря сходству своей функции (например, предлоги), или один ряд, благодаря своей смежности (например, числительные), мало-помалу путем производства приобретают также сходные наружные признаки» [Крушевский 1998: 193].

Каждой знаменательной части речи соответствует в языке известный общий тип, в свою очередь подчиняющийся действию ассоциации по сходству, которое может касаться разных сторон слова. В результате «слова, обозначающие предметы, их качества, их действия или состояния и проч., отличаются друг от друга не только своим содержанием, но и своей внешностью, своей структурой и – в известной степени – своими звуками» [Крушевский 1998: 147]. Отсюда соответствие мира слов миру мыслей как основной закон развития языка в определении Н.В. Крушевского [Крушевский 1998: 148].

Этому закону в конечном счете подчиняется и действие таких деструктивных факторов, как фонетическое и морфологическое вырождение, производство параллельных форм, воспроизводство часто употребляющихся слов с грамматическими отклонениями [Крушевский 1998: 170–171]. Нарушая гармоничное соответствие внутренних разниц внешним, при котором в идеале для каж-

дого особого понятия и для каждого особого оттенка надо бы иметь особое и только одно внешнее выражение, особый знак [Крушевский 1998: 162–163], «деструктивные факторы снабжают язык материалом, необходимым как для поддержки его существования, так и для его прогресса» [Крушевский 1998: 180]. В частности, «фонетическое и морфологическое вырождение и сами по себе, и соединяя свои усилия, дают звуку (языку? – Л.З.) н о в ы е к о р н и путем разветвления старых» [Крушевский 1998: 180]. Этому способствует то немаловажное обстоятельство, что необусловленная фонетически вариация корня в большинстве случаев является «осмысленной» и сопряжена с его внутренней (семантической) вариацией [Крушевский 1998: 151], а у суффиксов «звуковые разновидности, вообще говоря, имеют разное значение» [Крушевский 1998: 159]. Неудивительно поэтому, что в свойственной морфологическим элементам вариации коренится, по Н.В. Крушевскому, и их генезис: «в языке разновидности суть возникающие виды» [Крушевский 1998: 173].

Ведущей, более важной стороной во взаимодействии формы и содержания И.А. Бодуэн де Куртенэ признает ту сторону, «без которой нет ни слов, ни предложений, ни языкового общения, ни речи человеческой вообще. Это сторона значения и расчленяемости с этой именно точки зрения» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 247].

Значимость семантики во взаимодействии с другими условиями (критериями) обособления морфологических элементов можно проследить на примере суффикса. Согласно Н.В. Крушевскому, обособлению суффикса способствует: «1) Когда звуковой комплекс, к которому он присоединяется, находится в языке и без этого суффикса, но также и без того оттенка в значении, который сообщается этим суффиксом. Так, например, суффикс *-ик* слова *домик* обособляется хорошо, как отдельная морфологическая единица, сообщающая слову уменьшительно-ласкательный оттенок, потому что рядом имеется слово *дом* без этого суффикса, но также и без этого оттенка в значении. 2) Когда он находится в целом ряде слов, придавая постоянно один и тот же оттенок значению коренного комплекса звуков. Так, наш суффикс *-ик* можно найти в весьма многих словах, причем каждое из них имеет уменьшительно-ласкательный оттенок. 3) Наконец, само собой понятно, что если данный суффикс всегда придает один какой-нибудь оттенок значению корня и если кроме этого суффикса язык не имеет никакого другого для выражения того же оттенка значения, то это не может не способствовать лучшему обособлению суффикса. В русском и вообще в ариоевропейских языках трудно показать суффиксы, которые бы вполне обладали указанными качествами. Поэтому можно видоизменить сказанное следующим образом: способность суффикса к обособлению обратно пропорциональна широте его значения и числу суффиксов, родственных данному по своему значению» [Крушевский 1998: 155].

Принимая во внимание ведущую роль содержательной стороны, нетрудно понять, почему морфологическая и семантическая девальвация морфем может быть чревата далеко идущими последствиями для всего языкового строя (ср. синтетический латинский язык с аналитическим французским) [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 321–322].

Доминированием содержания над формой объясняется также наблюдаемое во всех «естественных» языках «стремление к упрощению формальных типов, к устранению нерациональных формальных различий, не оправдываемых ассоциацией с представлениями различий значения» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 156].

Что касается незначащих единиц языка, то И.А.Бодуэн де Куртенэ убежден: фонемы и вообще все произносительно-слуховые элементы «становятся языковыми ценностями ... только тогда, когда входят в состав всесторонне живых языковых элементов, каковыми являются морфемы, ассоциируемые как с семасиологическими, так и с морфологическими представлениями» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 276], и «в языковом мышлении эти произносительно-слуховые и письменно-зрительные представления живут лишь постольку, поскольку они семасиологизованы и морфологизованы» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 327]. Вот почему морфологизацию и семасиологизацию произносительно-слуховых (и письменно-зрительных) представлений И.А.Бодуэн де Куртенэ считает чрезвычайно важной стороной языкового мышления [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 320].

«... Относительная способность кажущихся одинаковыми фонем противостоять количественным и даже качественным изменениям зависит от степени их относительной семасиологизации и морфологизации» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 339]. «Фонемы, элементы которых слабо морфологизованы и семасиологизованы, при манифестации языковых представлений мобилизуются слабо и в дальнейшем, при передаче языка от одного индивидуума к другому, полностью исчезают. И наоборот, фонемы, которые на первый взгляд кажутся такими же, но у которых некоторые входящие в их состав элементы морфологизованы более сильно, имеют большую социальную ценность и сохраняются в течение долгого времени в устойчивом состоянии» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 198]. Соответственно «уничтожение следов происхождения и интеграция слова делают возможными разнообразные фонетические изменения» [Крушевский 1998: 198]. Например, при озвончении глухого согласного в середине слова под влиянием соседних гласных «проявлению подобного уподобляющего влияния значительно способствует «аналитическое» или децентрализованное строение слов, т. е. строение, которому свойственны слова сросшиеся, с исчезнувшим чутьем границ между морфемами» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 38]. Напротив, вполне устойчивы не только фонемы, служащие экспонентами аффиксов [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 233, т. II: 306], но и фонемы, которые играют «крайне важную морфологическую роль как морфологический сустав или морфологическая граница между двумя морфемами» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 339] (ср. с наблюдениями Г. Гийома над так называемой «осевой согласной» в индоевропейских языках, в частности во французском [Гийом 1992: 41–42]).

Из сказанного ясно, что между разнообразными фонетическими и морфологическими чертами языка должна существовать взаимная связь [Крушевский 1998: 70] и что управляющие развитием языка фонетические, морфологические и другие законы «могут скрещиваться и парализовать действие друг друга» [Крушевский 1998: 66], а могут и поддерживать его. Например, в ариоевропейских языках «общее направление морфологической абсорбции – от конца слова

к его началу – находится в зависимости от общего направления фонетических изменений» [Крушевский 1998: 93].

В свете указанного взаимодействия формы и содержания, фонетики и грамматики не кажется нереалистичной поставленная И.А. Бодуэном де Куртенэ задача научной характеристики и классификации языков: отыскать такие характерные и постоянные признаки, которые, обособляя отдельный язык среди прочих, имеют общую значимость и проникают сквозь его фонетический и морфологический (грамматический) строй; на этой основе вскрыть общие стремления, обуславливающие своеобразное развитие всего языкового механизма, своеобразный строй и состав данного языка [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 71, 115, 132], т. е., пользуясь современной терминологией, установить его «детерминанту», а далее определить, на чем основываются основные различия морфологических типов [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 103], иными словами, каковы их детерминанты.

Если в поисках детерминанты морфологического типа отталкиваться от того универсального свойства естественных языков, которое И.А. Бодуэн де Куртенэ положил в основу своей концепции двоякого членения языкового целого, а именно – от членораздельности, то, признавая основной характеризующей чертой человеческого языка его морфологическую сторону, его структуру [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 163], его форму, его морфологическую артикуляцию, состоящую в членении предложений на слова (синтагмы), слов же – на морфемы [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 263], при определении своеобразия сопоставляемых языков следует исходить из глубины морфологического членения, из степени и характера разграничения значащих единиц.

Этот принцип вполне отчетливо прослеживается в данной И.А. Бодуэном де Куртенэ характеристике синтетических флексийных (флективных) ариоевропейских языков в сравнении с аналитическими агглютинативными финско-тюрскими (туранскими, урало-алтайскими) языками [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 103-105; II: 184-185].

По глубине иерархического членения языкового целого, по степени разграничения слова и морфемы, а также знаменательных и служебных морфем агглютинативные языки явно уступают флективным. Недостаточное внутреннее единство агглютинативного слова, отсутствие действительной структурной целостности указывают на его *суммативный* (коллекционный, по Г.П. Мельникову) характер. По наблюдениям И.А. Бодуэна де Куртенэ, представленные в агглютинативном слове суффиксы, точнее «корни в роли суффиксов», по большей части существуют в языке самостоятельно, только временно сочетаясь с главным корнем. Поэтому они сохраняют свою отчетливость и обособленность как в семантическом плане (отсюда параллелизм между формой и функцией, т. е. однозначность агглютинирующих словоизменятельных аффиксов), так и в отношении звуковой организации (благодаря прогрессивному направлению звуковых влияний – от остающегося неизменным корня к присоединяемым в случае надобности аффиксам – звуковая форма последних, судя по гармонии гласных и ассимиляции в группах согласных, носит регулярный и, что особенно важно, *предсказуемый* характер).

Суммативной природой агглютинативного слова (если не исключаящей, то ограничивающей регрессивные звуковые влияния) объясняются и отсутствие в нем морфологически утилизированных альтернатив одних и тех же морфем (прежде всего корневых), их мономорфизм, а значит, и невозможность дальнейшего членения морфем на морфологизованные и семантизированные составные части вплоть до отдельных произносительно-слуховых элементов (признаков).

Недостаточная развитость грамматических форм сказывается и на особенностях грамматической категоризации. В туранских языках, согласно И.А. Бодуэну де Куртенэ, преобладает именной характер, самостоятельные глаголы слабо развиты [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 104].

В противоположность этому во флективных языках морфологическое членение предстает в завершенном виде, что находит свое выражение и в последовательном разграничении слова и морфемы. Морфологические компоненты, сливаясь, образуют «одно слово в строгом смысле» [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 104]. Во флективных языках окончания и приставки «существуют только как приставки и окончания», а корни/основы, испытывая регрессивное влияние последующих компонентов, подвержены альтернативам, в том числе морфологически утилизированным, что, в свою очередь, способствует вычленению фонем и фонемных признаков. Тесное слияние морфологических компонентов слова в единое целое влечет за собой асимметрию между формой и функцией, одним из проявлений асимметрии выступает свойственный флективным языкам полиморфизм.

Последовательно проведенная грамматическая категоризация обуславливает глагольный характер ариоевропейских языков.

Обязательность употребления грамматических форм объясняет, почему «в ариоевропейских языках имеется грамматическая конгруэнция подчиненных слов с главным словом, в туранских же «строго логически» «склоняется» и «спрягается» только главное слово, конгруэнция же вовсе отсутствует» [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 104].

В итоге, явно исходя из различий в глубине морфологического членения, И.А. Бодуэн де Куртенэ приходит к выводу, что «вместо необоснованного различия языков «флективных» и «агглютинативных» следует говорить, с одной стороны, о различии между сочетанием морфем друг с другом и между психофонетическими альтернативами одних и тех же морфем, с другой же стороны, о различии между сочетанием синтагм (слов) и между альтернативами (психофонетическими изменениями, чередованиями) одних и тех же синтагм» [Бодуэн де Куртенэ 1963, 184]. Как видно, иерархическое членение языкового целого на значащие единицы достигло завершенности во флективных языках и остается не вполне завершенным в агглютинативных. В этом и состоит основное типологическое различие между данными языками. Близкую трактовку межъязыковых типологических различий дает Г. Гийом [Гийом 1992: 40, 117–119, 130–131].

Продолжая линию И.А. Бодуэна де Куртенэ и Г. Гийома и учитывая фундаментальную значимость дифференциации лексического и грамматического (семасиологического и морфологического) в содержательной сфере языка для

дальнейшего членения языкового целого, при определении степени членораздельности (а значит, глубины иерархического членения) как типологической детерминанты языка следует в первую очередь выявить степень лексичности/грамматичности языка (в соответствии со степенью развития и характером грамматической категоризации) [Зубкова 1999: 167–173].

Summary

L.G. Zubkova. The integrity of the language and its determinant in J. Baudouin de Courtenay and N. Krushevsky's interpretation.

The article is devoted to the ideas of Kazan linguistic school. It describes the features of J. Baudouin de Courtenay's dialectic method, which he used in his approach to interpretations of the language, and the features of N. Krushevsky's interpretation, who asserts the statement about the language system as a harmonic whole.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. – М., 1963. – Т. I–II.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Лекции по введению в языковедение. – Пг., 1917.
4. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М., 1992.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
6. Зубкова Л.Г. Язык как форма. Теория и история языкознания. – М., 1999.
7. Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию. – М., 1998.
8. Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М., 2000.
9. Перельмутер И.А. Грамматическое учение модистов // История лингвистических учений: Позднее Средневековье. – СПб., 1991.
10. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – М., 1993. – Т. 2.

Поступила в редакцию
17.02.05

Зубкова Людмила Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Московского городского педагогического университета.